

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ И НАСЕЛЕНИЕ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В 1812–1814 ГОДАХ

В ходе Отечественной войны 1812 года и после ее окончания десятки тысяч военнопленных, служивших в Великой армии, были рассеяны почти по всем губерниям Европейской России. Все они на определенный срок оказались так или иначе интегрированы в разные слои российского общества и тесно общались с местным гражданским населением. Характер их взаимоотношений в различных регионах требует специального рассмотрения.

Врач 1-го класса поляк С. Пешке, вспоминая города, встреченные им в Пензенской губ., писал, что мещане здесь выглядели весело, а с пленными обходились мягко и любезно. Напротив, мордвины, часто встречавшиеся в этой местности, держались враждебно. С ними пленным следовало постоянно сохранять бдительность. Квартировав у одного мордвина, Пешке заметил под скамьей грубо выструганную из дерева конскую голову и достал ее, чтобы лучше рассмотреть, но хозяин бросился на него и гневно вырвал ее из рук. Пешке предположил, что среди них еще сохранялось язычество¹.

Итальянский лейтенант Ф. Баджи, ночевавший в Саранске, запомнил, что здесь они хорошо выпались, так как хозяин дома предоставил офицерам кровать, покрытую многочисленными овечьими шкурами. Когда на следующий день Баджи заметил, что один пленный капрал украл шкуру, он тут же вернул ее хозяину дома, который обращался с ними с таким гостеприимством². Вюртембергский обер-лейтенант Ю. Зоден отмечал, что дворяне Саранска приняли пленных доброжелательно. На следующий день после прибытия в город они были приглашены на обед в дом городничего, что их в высшей степени удивило и обрадовало. Во время пребывания в Саранске пленные перезнакомились почти со всеми его жителями. Для облегчения общения пленники взяли себе имена на русский манер (одного звали теперь Петр Иванович, другого – Николай Павлович). На ярмарке пленникам приходилось слышать крики «Француз!» или «Шельма, француз!», на которые они, впрочем, не обращали особого внимания. В целом же мемуарист признавал, что если простой народ и считал в душе пленников «язычниками», то дворянство и чиновники подавали пример гуманного отношения к бывшим противникам, чем заслужили их уважение. Во время ярмарки Зоден и его товарищи познакомились и завязали дружбу с несколькими дворянками, пригласившими немецких офицеров погостить в своем городском доме и в поместье. Особое расположение к ним дамы проявили, когда узнали, что все они немцы, и в Россию их привела не склонность к завоеванию, а приказ монарха. При освобождении офицеров из плена дамы снабдили их теплой зимней одеждой и даже предлагали хороший экипаж. Когда же Зоден с глубокой признательностью отказался от этого дорогого подарка, дамы вручили ему небольшую шкатулку, попросив открыть ее на следующий день. В ней оказались пятидесятирублевая банкнота и записка со словами о дружбе³.

Оказавшись на территории Пензенской губ., вюртембергский обер-лейтенант Х. Йелин столкнулся с тем, что татары были настроены гораздо добродушнее и гостеприимнее русских. В одной татарской деревне хозяева, обильно накормив пленников, отказывались от денег, пока им не объяснили, что это не плата, а благодарность. На следующей ночевке в русской деревне Йелин и его товарищи не смогли даже за деньги приобрести продукты – им во всем отказали. Только в Пензе их встретили приветливо и разместили в хороших домах⁴.

* Хомченко Сергей Назарович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

Хороший прием, оказанный пленным офицерам в доме саранского полицмейстера, послужил своеобразным сигналом для местных дворян, которые стали приглашать их на именины и семейные торжества. На одном из вечеров девушки все время танцевали с пленниками, явно игнорируя соотечественников – двух живших в своих поместьях офицеров, которые попытались потребовать у соперников объяснений, однако вынуждены были уступить и удалиться после того, как дамы заявили, что им приятнее танцевать с воевавшими за свое отечество, которые продолжили бы при первой возможности сражаться, чем с теми, кто в тяжелый момент находится вне армии. Некоторых пленных офицеров дворяне приглашали к себе для обучения детей. Впоследствии саранское дворянство очень сожалело об отъезде пленных, устроило им проводы и даже снабдило их деньгами для покупки меховой одежды. Простой народ также был вежлив с пленными⁵. В Пензе пленным существенно помогали земляки – портные, сапожник, трактирщица⁶.

Случались, конечно, и неприятные инциденты. Так, один баденский офицер получил банкноту в 100 руб. и хотел разменять ее у купца на серебро. Солдат, которому это было поручено, оставил банкноту жене купца, так как того не было дома. На следующий день солдат пошел забрать деньги, но ему возвратили банкноту, сказав, что она фальшивая. Офицер был поражен этим, так как не мог приобрести теперь съестные припасы и одежду. Он сообщил о случившемся городничему, надеясь на помощь. Тот спросил жалобщика, записал ли он номер банкноты. Офицер ответил отрицательно. На это городничий заявил, что совершенно убежден в том, что купец банкноту подменил, но так как отсутствовали доказательства, то официально вмешаться нельзя. Обмануемый офицер должен был смириться с потерей своих денег⁷. Йелин и Зоден вспоминали об избиениях возвращавшихся домой пленников в центре Пензы. Один из них получил семь сабельных ран от хозяина дома (склонного к пьянству и агрессивного офицера ополчения), запрещавшего квартиранту держать в комнате собаку. Губернатор, к которому обратились пленные офицеры, обещал наказать виновника, но впоследствии дело было замято⁸.

Живший в Краснослободске баварский обер-лейтенант Ф. Фуртенбах отмечал, что с пленными обращались весьма снисходительно, среди жителей они даже пользовались почетом и популярностью, так как за все платили наличными. У Фуртенбаха сложились хорошие отношения с красильщиком, в доме которого он жил. Это был очень благодарный и трезвомыслящий человек, интересовавшийся другими странами и их законами. Он без усталости расспрашивал квартирантов и сам был интересным собеседником и рассказчиком. Вечерами они с Фуртенбахом вели беседы об охоте и русской истории (в частности, о Пугачеве). Недалеко от Краснослободска находилось поместье полковника Фалькенклау, выходца из Курляндии. Он добился от городничего разрешения приглашать к себе на воскресенье по несколько пленных. Как пишет Фуртенбах, они были этим очень довольны. А после того, как Фуртенбах вылечил дочь полковника, городничий позволил ему взять с собой пленника на несколько дней в город Волгск Саратовской губ.⁹

Партия пленных, в которой находился Пешке, в конце 1812 г. проходила через Нижний Новгород. Их разместили на городской окраине, категорически запретив входить в дома. Пешке и его товарищ Рёдер, пользовавшиеся на правах офицеров относительной свободой передвижения, отправились на поиски водки. Какой-то мещанин позвал их к себе, накормил, напоил (Пешке писал, что никогда в жизни не пил столько спиртного: как только опустошалась одна бутылка, на столе тут же появлялась другая) и послал угощение их товарищам. Вскоре к месту стоянки пленных стали подходить местные жители, приносившие еду, одежду и деньги. Их приходилось даже останавливать. Пешке был очень тронут такой заботой. На следующее утро, незадолго до отхода партии, он узнал от знавшего немецкий язык горожанина о беспорядочном отступлении французов из России. Собеседник уверял его, что пленные поляки вскоре будут отпущены на свободу¹⁰. Впрочем, французский хирург Д. Фюзейе отмечал, что при первом появлении пленных в Нижнем Новгороде жители встречали их озлобленно.

Но когда пленные возвращались домой, если кто-то и начинал их бранить, его тут же останавливали словами: «Замолчи, теперь мы все друзья»¹¹.

Пленные, прибывшие в августе 1813 г. в Арзамас Нижегородской губ., доставили немало проблем местным жителям, особенно хозяевам домов, в которых их разместили. 23 августа к городничему пришел отставной солдат Семен Галанин, жалуясь, что трое квартирующих у него обер-офицеров в пьяном виде вломились в комнату квартирантки Натальи Распопиной, «намереваясь сделать ей гнусный поступок». Когда Галанин встал на ее защиту, один из офицеров схватил его за горло и вытолкнул вон. Тем временем около десятка офицеров, пришедших из других квартир, продолжали пьянствовать. Приведя с собой квартального надзирателя и унтер-офицера инвалидной команды, городничий потребовал от них разойтись, но они отказались подчиниться, ругались «матерными французского диалекта словами» и даже ударили квартального надзирателя. О происшествии было доложено губернатору, который предписал отправить наиболее буйных в уездный город Семенов, а остальным объявить о том, что военнопленные подлежат суду по российским законам. Вскоре из Арзамаса в Семенов были высланы подполковник Детон и 10 обер-офицеров¹². Находившийся среди них французский капитан А. Шерон иначе описывал случившееся. По его словам, городничий испытывал ненависть ко всем французам и воспользовался первым же поводом для ее демонстрации. Ссылаясь на жалобу местного жителя (причину ее мемуарист не указывал), он явился на квартиру с несколькими сопровождающими и якобы начал оскорблять и даже бить офицеров. Те молча снесли обиду, опасаясь, что их убьют или отправят в Сибирь. Высылка из Арзамаса воспринималась ими как спасение. Однако отношение городничего к другим пленным и некоторые высказывания самого Шерона заставляют усомниться в достоверности его рассказа¹³. Проезжавший через Арзамас в 1813 г. кн. И.М. Долгорукий слышал, что проживавшие там пленные офицеры «рассудили попроказить». Собравшись в трактире и напившись, они будто бы завели «соблазнительные» разговоры, о чем тут же было донесено городничему. Тот, явившись, попытался навести порядок, но французы «вспетушились и кулаками зачали доказывать... что право всегда на стороне того, у кого физическая и множественная сила: побили его порядочно и разошлись просыпаться по квартирам»¹⁴.

Прожив 10 месяцев в Семенове, Шерон был частым гостем в благородных семействах. На одном из таких приемов гостям сначала предложили кофе, после чего принесли водку, которую все должны были пить из одного кубка, приветствуя друг друга. Водку сменила полынная настойка, а затем гостей пригласили к столу. На обед подавали длинный пирог, начиненный огурцами, цыплят и пиво. Завершалась трапеза французским вином и пуншем. Не останавливаясь на этом, присутствовавший здесь же городничий пригласил офицеров в свой дом, куда они отправились в колясках. Там их угощали рагу, солеными грибами и огурцами, донским вином, водкой и настойками. Шерона, правда, задело, что гости должны были обслуживать себя сами и никто не приветствовал их речами, хотя два дворянина говорили по-французски. Под конец французов повезли в красивый загородный дом, где их ждали различные варенья, арбуз, вина и пунш. Офицеры вернулись в свою квартиру только около полуночи. Но иногда совместные застоля оканчивались печально. Так, один пленный офицер, говоривший по-русски, был приглашен на ужин в квартире, в которой он жил. Выпив лишнего, хозяин стал обвинять гостя в том, что он француз, после чего они подрались. Французам также не раз приходилось драться с оскорблявшими их крестьянами, а местные торговцы, как утверждал мемуарист, специально завышали цены на товары, которые хотели приобрести пленные. Тем не менее Шерон считал, что в Семенове жители были приветливее, чем везде¹⁵.

В Свяжске Казанской губ. прибывшие пленные, в том числе Фюзейе, встретили исправника, который пригласил офицеров в гости и усадил завтракать. Вскоре их позвал к себе командир местного гарнизона, познакомивший французов со своим зятем, дворянином Глазатовым. Как только другие дворяне прослышали, что пленные побывали у исправника, коменданта крепости и Глазатова, они принялись наперебой просить их

пожаловать в гости, всякий раз заставляя отведать множество блюд и спиртных напитков. Хирурга уговаривали остаться жить в Свияжске. Хозяин винного склада, который часто болел, постоянно приглашал его к себе. В этом доме Фюзейе всегда хорошо принимали, как только приходили московские газеты, за ним посылали сани или дрожки, а если было очень холодно, то слуга приносил их к врачу домой. Когда тот что-то недопонимал, хозяин терпеливо разъяснял написанное. Помещики из соседних деревень также приглашали француза к себе. Местные жители никогда не слышали имени Дезире, и по их просьбе Фюзейе согласился зваться Иваном Ивановичем, все знали его под этим именем. Пленные офицеры жили неразлучно, всегда и везде появляясь вместе. За это их уважали и крепостные, и мещане, при встрече почтительно кланявшиеся. Получив известие о возвращении домой, Фюзейе от лица всех пленных поблагодарил городничего за заботу и внимание и просил передать жителям, что французы будут вечно признательны им за уважение, с которым с ними обходились. Вечером пленные устроили праздник по случаю своего освобождения. Посмотреть на него сбежались как горожане, так и жители окрестных деревень. Дворяне присоединились к офицерам, а остальные расположились на крышах. На следующий день огромная толпа собралась провожать отъезжающих¹⁶.

Прибыв в Симбирск, Баджи познакомился с двумя итальянскими семьями, давно переехавшими в Россию. Эти итальянцы несколько раз устраивали для своих земляков ужин и сделали им немало добра. Вскоре часть пленных перевели в Ставрополь. По пути туда жители татарских, мордовских и чувашских деревень их ласково встречали. В Ставрополе Баджи познакомился с дворянской семьей Мильковичей, в чей дом уже были вхожи прибывшие ранее французы и итальянцы (у них ежедневно обедали 5–6 пленных офицеров). Баджи и его товарищ Паккиони стали там завсегдатаями и всеобщими любимцами благодаря своим голосам и игре на гитаре. Их то и дело одаривали различными подарками, приглашали на обеды, ужины, танцы, в которых Баджи поначалу не мог участвовать из-за своей обмороженной ноги. Здесь Баджи расширил свой песенный репертуар, выучив несколько русских песен. Он не понимал, о чем пел, но его выступления пользовались неизменным успехом. Голландский капитан Шуман играл на рояле, причем не только классические, но и собственные сочинения. Как-то на приеме у городничего Паккиони и хозяин дома выпили столько спиртного, что по окончании праздника оказались спящими в обнимку под диваном¹⁷.

У Мильковичей часто играли в лото. А однажды местное общество совместно с иностранцами поставило пьесу Мольера «Скапен» на французском языке. Пленные офицеры, посетившие на Пасху церковную службу, рассказывали потом, что бывшие в храме русские дамы в ответ на поцелуй руки возвращали его в щеку. Старая госпожа Милькович по доброте душевной приказала снабжать пленных солдат, которых в Ставрополе под конец было почти 200 человек, мясом и хлебом¹⁸.

При отъезде из Ставрополя Баджи было жаль расставаться со здешними друзьями. На прощание старая госпожа Милькович подарила ему банкноту в 25 руб., большую шаль, куртку и шапочку, еще 10 руб. прислала ее дочь. На прощальном завтраке в доме Мильковичей присутствовало более 20 пленных офицеров, и с обеих сторон было пролито немало слез. По пути домой большая группа итальянцев задержалась в Корсуни. Чтобы время шло быстрее, один солдат наделал марионеток и пленные развлекались постановками традиционных итальянских комедий. Они привлекли внимание не только итальянских офицеров и солдат, но и русских жителей, которые хоть и не понимали ни единого слова, но смеялись, когда смеялись итальянцы. К комедиям добавлялись песни Баджи и Паккиони, и эти представления неоднократно посещали городничий и другие корсунские господа. Однажды вечером городничий сам устроил для пленных развлечения, пригласив их на регату на р. Корсуни¹⁹.

Французский хирург Ф. Мерсье отмечал, что в Саратовской губернии пленные почти на каждом шагу встречали выражение симпатии и расположения и крестьян, и дворян. Дамы проявляли особенное сочувствие, отправляя вслед уходящей партии пленных белье, теплую одежду, обувь, вино. Как узнал позже Мерсье, сведения о необ-

ходимых вещах дворянкам сообщали ратники конвоя. Жена сердобского городничего распорядилась передать пленному врачу походную аптечку, а ее муж – корзины с продовольствием и вином, которое предназначалось для офицеров²⁰.

Напротив, при въезде в Саратов горожане отнеслись к пленным безразлично, не проявляя никакого участия. Таковую разницу в приеме Мерсье объяснял тем, что ранее пленные шли пешком, с трудом передвигая ноги, в их внешнем виде легко было подметить следы страдания. В губернский же город их доставили на санях, и они выглядели господами, успевшими позабыть о прошлых лишениях. Позже, занимаясь медицинской практикой, Мерсье заслужил уважение горожан и помещиков. А вот крепостные крестьяне, которых врач лечил по просьбе их хозяина, относились к нему настороженно и, если бы не присутствие барина, не стали бы отвечать на его вопросы и выполнять предписания. Позже французу объяснили, что крестьяне вообще не доверяют врачам, так как привыкли прибегать к помощи различных знахарей или старых баб. Когда в Саратове узнали о вступлении русских войск во Францию, Мерсье был вынужден прекратить посещение некоторых домов, чтобы избавить себя от необходимости выслушивать обидные высказывания в адрес своей родины и ее императора. Лишь супруга губернатора не только не позволяла себе никаких выпадов против Франции и Наполеона, но и неоднократно удерживала других от разного рода насмешек²¹.

Больше всего огорчений доставляли купцы. Как вспоминал проживавший в Саратове ганноверец шеф эскадрона К. Шенк фон Винтерштедт, всякий раз, когда пленные появлялись на базаре, они слышали ругательства, передававшиеся от лавки к лавке и прекращавшиеся только после резкого и грубого ответа на русском языке (этому учили польские офицеры). Как правило, пленным приходилось оплачивать все на порядок дороже, чем прочим жителям. Так, за пакет табака, стоивший 50 коп., купцы требовали с них 6 руб., а если им предлагали 1 руб., часто отказывались продавать товар. В результате пленным приходилось прибегать к помощи иностранных торговцев²².

В уездном Петровске некоторые горожане явно тяготились присутствием пленных. Хозяин, у которого первоначально квартировал Пешке, бранился с утра до вечера, и постоялец был вынужден запирается от него в своей комнате. Гусар, прислуживавший врачу, с раздражением наблюдал за поведением хозяина и, в конце концов, избил его (за это на него поступила жалоба городничему). Позже Пешке переселился в дом, предоставленный в его распоряжение дворянином Лупандиным, который часто отсутствовал в городе, а потом заскучавший в одиночестве поляк получил приглашение переехать на квартиру к городничему. В семьях местных дворян Пешке находил как практику, так и дружеское расположение. Его имя, измененное на русский манер – Самуил Федорович, вскоре приобрело известность и среди окрестных крестьян²³.

В Оренбурге вестфальского унтер-лейтенанта Э. Рюппеля и других пленных часто навещали русские офицеры, один из которых, по имени Раймунд Адамович, пригласил вестфальца к себе на квартиру, хорошо угостил, вечером проводил пленника до казармы, где комендант как раз потчевал его товарищей, а на следующее утро показал ему город. Столь же любезно отнеслись к пленным и в Бузулуке, куда часть из них вскоре перевели. Некоторых офицеров русские дворяне брали к себе в дом на содержание. Рюппель с товарищами с разрешения городничего был приглашен на несколько дней в поместье Покровское, где их принимал господин Племянников с его многочисленной семьей, родственниками и соседями, многие из которых свободно говорили по-французски. Заметив, что разговоры о победах русской армии неприятны для пленных, хозяин дома запретил говорить о политике. Вскоре гостей позвали за богато накрытый стол, способный составить честь лучшему ресторану, а затем, когда старшие дамы и господа отправились к карточным столикам, молодежь пошла танцевать. Следующий день также прошел в веселье и развлечениях, а вечером господин Племянников пригласил Рюппеля в кабинет и сообщил о намерении дать ему приют в своем доме. Рюппель был самым младшим из пленных (в ноябре 1812 г. ему исполнилось 20 лет) и с благодарностью принял предложение, хотя и смутился, оставляя своих товарищей, которые, впрочем, радовались за него²⁴.

На новом месте Рюппеля, по его словам, совсем избаловали, предоставив ему мальчика-слугу, комнату, белье и одежду. Вскоре он подхватил лихорадку, и только искусство бузулукского доктора Я. Штобойса, пруссака по национальности, спасло ему жизнь. Навещать больного приходили многие молодые дамы, а госпожа Племянникова просиживала у его постели целыми днями, пытаясь развлечь разговорами на неизвестном ему русском языке. Благодаря постоянному уходу, Рюппель через несколько недель смог встать на ноги. Когда позволила погода, хозяева начали устраивать для него конные прогулки и охоту. Ближе к лету в Покровское стали приезжать гости, в том числе и Н.М. Карамзин, с которым Рюппелю довелось познакомиться. По приглашению помещика Жданова, друга семьи Племянниковых, Рюппель совершил двухнедельную поездку в его поместье, находившееся в окрестностях Бугульмы. Там они совершали прогулки, охотились на озере, а по вечерам девять молодых служанок играли для гостя на балалайках и танцевали в народных костюмах, что приводило молодого человека в восторг. Он даже влюбился в одну из них и потом носил с собой ее локон и пуговицу. День, когда Рюппель покидал губернию, отправляясь домой, стоил ему многих слез из-за расставания с Племянниковыми. На прощание они подарили вестфальцу повозку с парой лошадей, снабженную вещами и продуктами, необходимыми для долгого путешествия²⁵.

Крестьянка, в доме которой в деревне К. жили французский капитан П. Ноказ с денщиком, была довольно благожелательна, но только когда ее квартирант был один. Если же к нему в гости приходили товарищи по несчастью, она заявляла, что ей достаточно двух собак в доме, и она не желает превращать его в место их встречи. Переехав в Бугуруслан, Ноказ познакомился с помещиком Т., хорошо говорившим на французском языке. Они часто обедали вместе, и Ноказ мог пользоваться обширной библиотекой своего нового друга²⁶.

Французский су-лейтенант О. Белэ вместе со своим другом врачом Брюггеманом часто бывал в домах бирских дворян, которые, по его словам, сами стремились установить благоприятные отношения с пленными офицерами. Большинство дворян (особенно женщины) хорошо говорили по-французски и испытывали огромный интерес к европейцам. Некоторые помещики выписывали газеты, откуда пленные пытались получить сведения о состоянии дел во Франции. Оказавшись в Уфе, Белэ и Брюггеман были очень хорошо приняты супругой отсутствовавшего в городе губернатора. Местное общество так же оказывало им различные знаки внимания. Так, городничий Караулов в благодарность за лечение несколько раз возил французоз на охоту, доставлявшую им большое удовольствие. Однажды он позвал друзей на праздничный ужин, который стал началом бесконечной вереницы приглашений со стороны других дворян. На прощание Караулов подарил французам карету, наполненную разнообразными съестными припасами, включая водку и французское вино²⁷.

Однажды осенью 1813 г. на улице Мензелинска к голландскому капитану К. Вагевиру учтиво обратился по-французски какой-то господин, спросивший, является ли тот пленным офицером. Получив утвердительный ответ, он пригласил голландца в дом своих друзей, где за чаем Вагевир добродушно расспрашивали о чем только можно. Беседа велась на немецком языке. Новый знакомый оказался помещиком Степаном Никитичем Майоровым, отставным майором, проживавшим в 18-ти верстах в своем имении. Голландец выразил желание побывать там и тут же получил приглашение. Помещик поехал к своему другу городничему, который согласился отпустить пленного офицера под расписку, что тот не попытается сбежать. Находившийся в тысяче четырехстах часах пути до Амстердама, без единой монеты в кармане, Вагевир легко согласился на это условие. На следующий день он уже был в поместье Степана Никитича, где познакомился с его женой и тремя маленькими дочерьми. Голландцу предоставили отдельную комнату, а один из крепостных временно поступил в его полное распоряжение. Вместе с Майоровым Вагевир осматривал хозяйство с многочисленными постройками и службами, курил табак, совершал конные прогулки и играл в карты. Используя голландский опыт, гость дал помещику несколько хозяйственно-бытовых советов, которыми в дальнейшем воспользовались не только Майоров, но и его соседи.

Окрестные помещики, познакомившись с капитаном, стали называть его на русский манер Карлом Ивановичем. Местное общество очень любило охотиться, и Вагевир часто участвовал в соевой охоте на зайцев, стрелял куропаток, гусей и уток. В мае 1814 г. Вагевир посетил татарскую ярмарку, проходившую в открытом поле в 25 верстах от приютившего его поместья. На голландца большое впечатление произвели не товары, а вид татар, их конные состязания, одежда и украшения женщин. Татары, в свою очередь, окружили чужеземца и через Майорова стали задавать различные вопросы о его родине, что очень позабавило приятелей²⁸.

Очень гостеприимно встретил голландца и отец Степана Никитича – семидесятилетний полковник, живший в собственном имении в 16-ти верстах от сына. Позже он собрал для пленных целую повозку теплой одежды и обуви, присовокупив к этому большую рыбину весом не менее 25 фунтов. Во время ярмарки в Мензелинске полковник лично навещал голландских офицеров и пригласил их на несколько дней в свой городской дом. Когда Вагевир навещал своих товарищей, остававшихся в городе, Степан Никитич также предоставил ему повозку, нагруженную мукой, рыбой, свининой, дичью и другими продуктами, попросив передать их пленным. Накануне отъезда Вагевир в последний раз поехал в имение Майорова, где с ним распрощались со слезами на глазах, а Степан Никитич еще 8 верст провожал его верхом на лошади²⁹.

Положение пленных солдат заметно отличалось от положения офицеров. Когда ганноверец К. Циммерманн оказался в одной из деревень Бузулукского уезда Оренбургской губ., он был серьезно болен, как и многие его товарищи. Их разместили по крестьянским домам, и некоторые хозяева не только были недовольны своими постояльцами, но и старались от них избавиться. Ночью они, якобы, выносили больных и беспомощных на улицу, где те замерзали насмерть. Утром властям сообщали о смерти пленного, а выяснением ее причин никто не занимался. Циммерманну повезло с хозяйкой, которая ухаживала за ним, поила водой или молоком. Даже спустя 50 лет мемуарист вспоминал о ней с благодарностью. Однажды в комнату вошел хорошо одетый господин, который по-немецки спросил больного, француз он или немец. Это был доктор Я. Штобойс, осмотревший Циммерманна и пообещавший прислать лекарства. Уходя, он поговорил с хозяевами, убеждая их продолжать ухаживать за больным. Через четверть часа помощник доктора принес лекарство, а также каждый день на протяжении десяти недель с докторской кухни Циммерманну приносили еду. На Пасху Циммерманн смог уже проделать путь до дома Штобойса, чтобы выразить свою благодарность. В дальнейшем он не раз бывал там, и две дочери доктора охотно танцевали под флейту, на которой играл Циммерманн. Штобойс ввел его и в семью своего друга – помещика Жданова, где Циммерманн со своей флейтой и гитарой вскоре стал желанным гостем и пользовался вниманием дам³⁰.

Своим обращением с пленными солдатами местные дворяне подавали пример простоядинам. Договорившись между собой, они поочередно принимали в своих имениях некоторых солдат как гостей. Циммерманну благодаря рекомендации Штобойса, знанию французского языка и игре на флейте и гитаре дважды удалось воспользоваться таким приглашением. Обычно же пленным солдатам приходилось разделять образ жизни своих хозяев – русских крепостных, влачивших жалкую жизнь. Однако и здесь Циммерманн нашел способ улучшить свое положение и заслужить уважение крестьян. Для этого достаточно было соблюдать некоторые религиозные обряды, например, креститься на иконы и перед приемом пищи. Только так можно было показать, что он не язычник и верит в Бога, в чем крестьяне сомневались, поскольку большинство пленных вели себя не слишком умно. После того как Циммерманн приспособился к крестьянским обычаям, его никогда не обижали, не издевались над ним, не отказывали ему в деревянной чашке для питья или в ложке. Между тем это часто случалось с его товарищами, если же крестьяне предоставляли им данные предметы, то их помечали, и сами больше никогда не использовали. Ганноверец смог улучшить отношения со своими хозяевами еще и потому, что старательно изучал русский язык и вскоре уже мог свободно объясняться и служить переводчиком. В результате, приобретенный авторитет позволял ему самому разговаривать в угрожающем тоне и не встречать возражений³¹.

Во время остановки в Симбирске по пути домой Циммерманна с его другом Хуземанном поселили у богатого купца. Пока назначенный квартирмейстером Циммерманн обходил квартиры, чтобы узнать у пленных о каких-либо трудностях, приветливая купчиха расспросила Хуземанна, почему он так часто отсутствует. Когда тот описал ей должность друга, она начала относиться к нему с еще большим вниманием. Ее муж весь день был занят на базаре, торгуя в своей лавке, и однажды, когда Циммерманн задержался в доме, хозяйка предложила ему остаться жить у них, став помощником купца. Подобное предложение сулило ему в будущем блестящие перспективы, но тоска по родине оказалась сильнее³².

В июне 1814 г. достигли Бугульмы возвращавшиеся домой немцы. Посреди ночи в городе возник пожар, который со скоростью ветра перекидывался с одного дома на другой. Проснувшиеся пленные растормошили остальных и выскочили на улицу. С согласия властей они стали разрушать дома на границе огня. Вскоре пламя удалось остановить, и оставшаяся часть города была спасена. Жители удивлялись и восхищались помощью пленных, громко благодарили их и с добрыми пожеланиями проводили дальше³³.

При отправлении пленных из Оренбургской губ. в октябре 1814 г. в деревне Кичуевской Бугульминского уезда произошло столкновение между французскими солдатами и русскими крестьянами. Прибывшая группа пленных встретила ранее находившихся здесь товарищей. Решив отметить свою встречу, они запаслись большим количеством еды и водки. Праздник закончился радостным пением и криками. Как раз в этот день отмечался престольный праздник деревенской церкви. Собравшись в полуразрушенном сарае, русские также пили и пели во все горло. Некоторым из них показалось, что французы поют насмешливые песни, издеваются и пародируют торжество. Завязалась драка, улаживать которую пришлось сотнику кантона и французским офицерам³⁴.

Шерон отмечал доверчивость местных крестьян, которые часто становились объектом шуток пленных. Один французский солдат, которого спросили, действительно ли Наполеон имеет три глаза, ответил, что он имеет третий глаз между лопаток и может видеть за 40 верст позади себя. Крестьяне смотрели на него с испугом и обсуждали это между собой, что развлекало солдат и заставляло их выдумывать все новые басни³⁵.

В начале июля 1814 г. дворянский заседатель Зимбилевский ездил в пригород Астрахани, селение Карантинное, к крестьянке, подавшей жалобу на то, что поставленный к ней на квартиру французский солдат требует от нее сметаны, молока, яиц, цыплят и прочего продовольствия, угрожая побоями. Зимбилевский призвал пленного воздержаться от таких поступков, но тот заявлял, что кроме своих офицеров никому повиноваться не желает. Заседатель приказал посадить пьяного солдата под арест, за что получил удар в щеку, когда же он попытался задержать непокорного, пленные (около 80 человек) окружили и избili чиновника, едва спасшегося при помощи жителей селения. Губернатор, которому пожаловался Зимбилевский, распорядился найти и арестовать виновных (к этому времени в станице Дурновской одна женщина уже была безнаказанно избита пленными). Следствие над французскими рядовыми Сокаром и Пфеекорном продолжалось до декабря, когда они были освобождены по Высочайшему манифесту о даровании прощения преступникам, не совершавшим тяжелые преступления³⁶.

Проезжавший через Нижегородскую губ. баварский капрал Бюттнер писал, что проживавшие там вотяки, черемисы, чуваша и другие народы хотя и относились к пленным с сочувствием, но не могли поделиться продовольствием, так как сами мало что имели. Когда же они попытались купить хлеб у кого-нибудь из русских, те отвечали, что французы – не христиане, поэтому, если они дадут им хлеба, они его больше не соберут, так как их хлеб растет только для христиан³⁷.

Швейцарский унтер-офицер Ш. Мино вспоминал, что продовольствия, выданного им в пути до Симбирска, не хватало, и они покупали еду у местных жителей, пока немецкие переселенцы, у которых остановились пленные, не дали им с собой большой запас хлеба. В дороге Мино сильно обморозился, в назначенной для поста деревне он зашел в первый же дом и упал как мертвый. Хозяйка, старая русская женщина,

видя беспомощность швейцарца, принесла деревянное корыто, полное холодной воды, добавила туда снега и растирала своего постояльца, пока его кровь не возобновила движение. Затем эта милосердная женщина накормила пленного тем, что нашлось в ее бедном доме. На родине Мино всегда вспоминал эту женщину в своих молитвах³⁸.

По свидетельству очевидца, в Арзамасе «жалко было глядеть на этих болезненных, изнуренных и оборванных людей... Очень помню, как эти бедные страдалцы повторяли выученные ими слова “хлеба, соли”: Сердобольная матушка старалась сколько возможно их накормить, но не утерпела в простоте своего сердца сказать: “Злодеи, зачем вы к нам зашли, что вам не сиделось дома?” На это один из пленных, вероятно поляк, отвечал довольно правильным русским произношением: “А если ваш царь велит своим солдатам идти куда, то разве они не пойдут?»: Против этого ответа не может быть возражений... Война – дело государственное, а не народное; народы не воюют»³⁹. Мино вспоминал, что многие солдаты делали на продажу разноцветные плетеные кольца из конского волоса. Возвращаясь домой через Пензу, он оказался со своей коллекцией колец в доме русской баронессы. Двум девушкам понравились некоторые кольца, и они купили их, не спрашивая цены. Вскоре вышла мать девушек и сказала, что она нашла кольца красивыми. Увидев, что Мино нуждается в обуви, она предложила ему пару подбитых мехом сапог барона, два рубля за остальные кольца и половину крупного каравая хлеба, пожелав доброго пути⁴⁰.

А вот в уездной Самаре отношение к пленным было сложным. Когда осенью 1812 г. первая их партия проходила через город, горожане проявляли сочувствие, женщины выносили больным еду. Но после того как пленные остались здесь на жительство, между обывателями и французскими солдатами сложились напряженные отношения. Некоторые хозяева портили в квартирах печи, выставляли окна, другие не давали дров, сена, соломы, а иногда и посуды, оправдываясь тем, что французы ее опоганят, так как едят зайцев и никогда не крестятся. «Во все сие время один только рядовой за грубость хозяину наказан был мною тюремным содержанием, – рапортовал симбирскому губернатору исправлявший должность городничего И. Второв, – ...ежедневно озлобляются они жителями названием собак, свиней и выдуманном через какого-то целовальника словом – Париж-пардон. Не было прохода ни одному французу по улице, чтобы его толпы ребят и даже взрослых и старых людей не дразнили, как собаку, несмотря на запрещение от меня... Недавно случилось, что четверо пьяных людей избili жестоко одного француза». По свидетельству Второва, жители Самары бросались на французов с ругательствами, били, толкали в снег, бросались мерзлой грязью. После известия об освобождении пленных, самарские дворяне устроили им торжественные проводы. «На берегу Волги, – вспоминал Второв, – у переправы, расставили столики, разостлали ковры на траве и разложили завтрак для отправляющихся в путь гостей. Нижние чины были выстроены в линию на самом берегу, близ перевозных лодок, а офицеры приглашены были в наш кружок, на возвышение. Поверенный питейными сборами привез солдатам несколько ведер вина и сотни две калачей. Офицеров потчевали мы. Я послал сказать солдатам, чтоб они пили за здоровье нашего Государя. Им поднесли по стакану вина, – и вдруг увидали мы бросаемые вверх шапки и услышали крик, несколько раз повторяемый: “Vive l'empereur!”... Офицеры были довольны нашим угощением, благодарили нас и распрощались. Посадили их в несколько лодок, и лишь отстали от берега, как на всех лодках полетели опять шапки вверх и раздался крики: “Vive le commandant de Samara!” несколько раз повторяемые»⁴¹.

Итак, при перемещении военнопленных во внутренние губернии России их звания обычно не влияли на отношения с местными жителями, по прибытии же на место проведения плена многое зависело от социального статуса, так как равные больше общались с равными. Озлобление, негативные эмоции между подданных воюющих держав были достаточно редки, конфликты носили в основном бытовой характер, а поведение самих пленных во многом определяло отношение к ним со стороны администрации и обывателей. Это, в свою очередь, позволяло впоследствии многим участникам событий с добрыми чувствами вспоминать о том времени, когда война свела их вместе.

Примечания

- ¹ *Peszke S.* Urzednik zdrowiz klasy I-ej wojska polskiego. Mój pobyt w niewoli rosyiskiej w r. 1812. Warszawa. 1913. S. 33–34.
- ² *Memorie di Francesco Baggi.* Bologna, 1898. P. 168.
- ³ *Soden F.* Memoiren aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren. Bd. 2. Regensburg, 1832. S. 102–105, 107, 118–123, 126, 136, 138, 141, 146–154.
- ⁴ *Yelin Ch.* In Russland 1812. München, 1911. S. 82–85, 88.
- ⁵ *Ibid.*
- ⁶ Государственный архив Пензенской области, ф. 5, оп. 1, д. 459, л. 62–63.
- ⁷ *Merkwürdige Tage meines Lebens. Feldzug und Kriegsgefangenschaft in Russland.* Stuttgart, 1817. S. 130–131, 136, 151–152.
- ⁸ *Yelin Ch.* Op. cit. S. 82–85, 88; *Soden F.* Op. cit. Bd. 2. S. 102–105, 107, 118–123, 126, 136, 138, 141, 146–154.
- ⁹ *Furtenbach F.* Krieg gegen Russland und russische Gefangenschaft. Nürnberg; Leipzig, 1912. S. 169, 181, 183–186, 189.
- ¹⁰ *Peszke S.* Op. cit. S. 30–32.
- ¹¹ *Fuzellier D.* Journal de captivité en Russie. 1813–1814. Boulogne, 1991. P. 197.
- ¹² Центральный архив Нижегородской области, ф. 2, оп. 4, д. 170, л. 121–122 об, 127, 143–144 об.
- ¹³ *Cheron A.* Mémoires inédits sur la campagne de Russie. P., 2001. P. 37, 39, 53–54, 63.
- ¹⁴ *Долгорукий И.М.* Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. М., 1870. С. 86–87.
- ¹⁵ *Cheron A.* Op. cit. P. 37, 39, 53–54, 63.
- ¹⁶ *Fuzellier D.* Op. cit. P. 177, 180, 182–185, 187–189.
- ¹⁷ *Memorie di Francesco Baggi.* P. 173, 175–178.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 181–182, 188–189.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 193–197, 208–209.
- ²⁰ *Рух И.* Французы в России: Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России. СПб., 1912. С. 92–94.
- ²¹ Там же. С. 99–100, 139–140, 194.
- ²² *Schenck von Winterstedt C.C.L.* Mittheilungen aus dem Leben des französischen oberstlieutenants. Celle, 1829. S.111–112.
- ²³ *Пешке С.Б.* Мое пребывание в российском плену в 1812 г. // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 5. Саратов, 2003. С. 394–395, 398, 405.
- ²⁴ *Ruppel E.* Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912. S. 144–147.
- ²⁵ *Ibid.* S. 149–169.
- ²⁶ [*Naucaze*]. Voyage d'un officier français, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet empire, du côté de l'Asie.. P., 1817. P. 51, 104–105.
- ²⁷ *Belay H.* Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. P., 1907. P. 132, 135, 166, 172–173.
- ²⁸ *Wagevier C.J.* Aanteekeningen gehouden gedurende mijnen marsch naar, gevangenschap in et torugreize nit Russland in 1812, 1813, 1814. Amsterdam, 1820. S. 126–150.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Zimmermann Ch.C.* Bis nach Sibirien. Erinnerungen aus dem Feldzuge nach Russland und aus der Gefangenschaft 1812–1814. Hannover, 1863. S. 26–27, 29–30.
- ³¹ *Ibid.* S. 32.
- ³² *Ibid.* S. 38.
- ³³ *Ibid.* S. 36–38.
- ³⁴ [*Naucaze*]. Op. cit. P. 199–201.
- ³⁵ *Cheron A.* Op. cit. P. 63.
- ³⁶ Государственный архив Астраханской области, ф. 1, оп. 4, т. 1, д. 165, л. 121, 124; д. 179, л. 1–6, 8; ф. 13, оп. 1, т. 18, д. 28365, л. 1.
- ³⁷ *Beschreibung der Schicksale und Leiden des ehemaligen Corporals Büttner.* Nürnberg, 1828. S. 66–67.
- ³⁸ *Minod Ch.F.* Journal des campagnes et blessures // Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français. P., 1999. P. 56–57.
- ³⁹ [*Назимов М.*] В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год. Из воспоминаний старожила // Русский вестник. 1876. № 7. С. 84–86.
- ⁴⁰ *Minod Ch.F.* Op. cit. P. 57.
- ⁴¹ *Де-Пуле М.* Отец и сын // Русский вестник. 1875. № 6. С. 507, 510–512, 515.